

ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ. МУЗЕЙНОЕ ДЕЛО. ЗАКОНЫ ПРИРОДЫ И НОРМЫ ОБЩЕСТВА: ВЗАИМОСВЯЗЬ И ВЗАИМОВЛИЯНИЕ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

Материалы XV Международной
научно-практической конференции.

8–9 декабря 2021 г.

Выпуск

14

Политехнический музей

Национальный исследовательский
университет «Высшая школа
экономики»

Исторический факультет МГУ
им. М. В. Ломоносова

Институт истории естествознания
и техники им. С. И. Вавилова РАН

Ассоциация содействия развитию
научно-технических музеев
«АМНИТ»

Национальный исследовательский
технологический университет
«МИСиС»

Кухня и дача: пространства для «математического» образа жизни в СССР

Выход за пределы «лабораторной жизни» в официальных научных институтах и расширение сферы исследований путем изучения более разнообразных форм обитания науки, включая научный быт [1], параллельную социальную инфраструктуру [2] и частную жизнь ученых [3], открывают возможности обращения к таким видам научной деятельности, как неформальные конференции, кружки, подпольные и домашние семинары, олимпиады, сборы на природе. Там научные связи тесно сплетались с дружескими и семейными, с образованием и социализацией учеников. Происходило общение специалистов из разных дисциплин по широкому кругу не только научных, но и политических, социальных и культурных тем.

В определенных условиях параллельные формы научного быта приобретают такое значение, что начинают конкурировать с официальными институтами научного сообщества. Это произошло, в частности, начиная со второй половины 1950-х гг. в советской математике, где возникли новые неформальные сообщества, структуры и методы образования, способы общения и коммуникации, исследовательские программы и семинары, во

многом определившие специфический характер позднесоветской науки как в математике, так и в связанных с ней направлениях исследований.

Борьба с диссидентством и антисемитская политика советского государства лишили многих математиков возможности учиться и работать в ведущих официальных учреждениях. В ответ советские математики разработали целый ряд стратегий преодоления ограничений, с которыми столкнулось их сообщество. Они организовали сеть бесплатных кружков для школьников, заочную математическую школу и специализированные матшколы в Москве и других крупных городах, отбирая талантливых детей и давая им более глубокое математическое образование [4, 5]. Была радикально расширена система математических олимпиад и других соревнований для школьников, дававшая наиболее одаренным шанс поступления в ведущие вузы. Были открыты бесплатные вечерние курсы для молодых людей, которых завалили на вступительных экзаменах. Тем талантливым математикам, кому была закрыта возможность работы в области чистой математики, подбирали должности в вычислительных центрах

и отраслевых НИИ. Была создана сеть открытых исследовательских семинаров, где кипело обсуждение новых идей и складывались условия для сотрудничества математиков, независимо от их возраста и занимаемой должности [6]. Вся эта деятельность привела к образованию социальной инфраструктуры, которая существовала параллельно и в определенном смысле в оппозиции к официальным институтам. Несмотря на официальные рогатки и препоны, эта инфраструктура оказалась удивительно эффективна в поддержании активной деятельности научного сообщества и привела к воспитанию большой группы математиков мирового уровня и нескольких лауреатов медали Филдса и других престижных международных премий.

Данный доклад основан на материале более 90 устных интервью с математиками и является частью проекта по социальной истории позднесоветской математики [2, 7]. Он фокусируется на одном из ключевых элементов параллельной социальной инфраструктуры — перенесении основных форм научной деятельности из официальных учреждений, куда был закрыт или затруднен доступ для многих математиков, в частные пространства личных квартир и дач.

Позднесоветская «параллельная математика» опиралась на уже имеющиеся традиции самоорганизации ученых. Наиболее показательный ранний пример неформального сообщества в российской математике — «Лузитания», кружок, сложившийся в конце 1910-х гг. вокруг фигуры харизматичного профессора Московского университета Н. Н. Лузина. Тематика собраний выходила далеко за пределы математики и включала широкий круг культурных проблем. Участник кружка П. С. Александров вспоминал: «На этих еженедельных собраниях на дому у Н. Н. Лузина... сначала была математическая часть в кабинете Николая Николаевича, очень уютной комнате... Никогда не забуду тех насыщенных самой живой математикой разговоров, которые тогда происходили. Эти разговоры иногда затягивались за полночь, но, когда бы они ни кончались, за ними следовал чай с неизменным очень вкусным ореховым тортом. За этим чаем — уже не в кабинете, а в столовой квартиры Лузиных — разговоры принимали другой, нематематический характер и касались самых различных вопросов культурной и общественной жизни» [8, с. 20].

В середине 1930-х гг. из-за политической травли Лузина, в которой активно участвовали и его ученики (в том числе и Александров), «Лузитания» прекратила свое существование, а вскоре и само понятие неформального кружка стало политически подозрительным [9, 10]. Об этом позднее сожалел тот же Александров, писавший: «Студенты объединялись в семинарах — Лузина, в моих семинарах, в семинарах Колмогорова, Тихонова и т.д. Потом это совершенно прекратилось, объединение профессоров со студентами не поощрялось. Не рекомендовались посещения на дому, что было введено Д. Ф. Егоровым. Вместо этого произошло разделение студентов по группам» [11].

Частные кружки стали рассматриваться как угроза идеологическому контролю. Математика А. А. Ляпунова, организовавшего в середине 1950-х гг. домашний кружок по изучению генетики, подвергли суровой проработке на партийном собрании по месту его работы — в Институте прикладной математики АН СССР. Директор института М. В. Келдыш заявил: «Ошибка т. Ляпунова состоит в том, что он

нарушил партийную этику, то есть проводил занятия кружка молодежи у себя дома, вне контроля общественных организаций» [12].

В конце 1960-х гг. с усилением давления на математическое сообщество из-за атак на диссидентов и растущего антисемитизма сообщество начало обращаться к испытанным формам неформальной организации для того, чтобы обойти ограничения, воздвигаемые в официальных учреждениях. В результате математическая деятельность начала сдвигаться из публичной сферы в «приватно-публичную» — в математические кружки, факультативы, неформальные семинары, или даже в сугубо приватную — на кухни частных квартир или на загородные дачи. Вместо того чтобы быть местом отдыха от рабочих обязанностей, для многих математиков кухня или дача стали основным рабочим местом, где они трудились над задачами, встречались с учениками и обменивались идеями с коллегами.

Крупнейший математик И. М. Гельфанд, заведующий отделом Института прикладной математики, занимавшегося оборонной тематикой и закрытого для посторонних посетителей, вынужден был встречаться с учениками и соавторами в своей квартире, превращенной в рабочее пространство. Его ученик И. С. Захаревич рассказывал: «У Гельфанда такая маленькая трехкомнатная квартирка и кухня. ...У него обычно бывает еще четыре соавтора, три в комнатах и один на кухне. Гельфанд идет на кухню, например, где я сижу, и мы минут 35 обсуждаем затыки в нашей теории, и когда я уже совершенно без сил и ничего не соображаю, он переходит в другую комнату и продолжает со следующим человеком. Часа полтора я отхожу от такого интенсивного занятия наукой и что-то начинаю понимать немножко в тех местах, которые мы обсуждали. За это время он проходит круг и возвращается ко мне, свеженький, как огурчик, и идет следующий круг, и так за вечер круга три проходит» [13].

Другие математики тоже часто использовали свои квартиры для встреч с учениками — нередко потому, что хотели приватности или просто не имели полноценного рабочего пространства, а иногда и места работы. В частности, ученик Гельфанда Д. А. Каждан организовал домашний математический семинар, ведь «удобнее было это делать дома, поскольку он не хотел, чтобы много людей участвовало — такой неофициальный семинар» [14].

Другой ученик Гельфанда И. Н. Бернштейн вынужден был принимать своих учеников дома, поскольку рабочего кабинета просто не имел. Его ученик А. В. Зелевинский вспоминал: «С Иосифом [Бернштейном] как работали? Ведь у него не было официальной позиции нигде. Дома у него работали, где же еще?» [15]. Хотя официальным научным руководителем диссертации Зелевинского на мехмате МГУ числился А. А. Кириллов, Бернштейн осуществлял реальное научное руководство неформально и безо всякого вознаграждения.

Так же неформально помогал будущему филдсовскому лауреату В. Г. Дринфельду профессор И. И. Пятецкий-Шапиро, лишившийся работы. Дринфельд рассказывал: «Формально я был учеником [профессора МГУ Ю. И.] Манина... Чтобы [теорию автоморфных форм] понять, нужен был живой человек, который это уже в какой-то степени понял. Таким человеком оказался Илья Иосифович Пятецкий-Шапиро.

...В какой-то момент его уволили из университета <...> ни для него, ни для меня не было существенным, чтобы это взаимодействие с ним было оформлено» [14].

Другой будущий филдсовский лауреат Г. М. Маргулис также тесно общался с Пятецким-Шапиро на математические темы вне официальных институциональных структур, поскольку последнего уволили в 1968 г. из МГУ за подписание письма протеста, а в 1974-м — из Института прикладной математики из-за намерения эмигрировать из СССР. «Я с ним много говорил, — вспоминал Маргулис. — Он уехал в 76 году. Я думаю, с конца 60-х годов до его отъезда я с ним регулярно разговаривал» [16].

Коллективные занятия математикой в личных квартирах часто проходили на кухне в неформальной обстановке. Американский математик Роберт Макферсон, много раз начиная с 1970-х гг. приезжавший в Москву, вспоминал: «Никаких рабочих кабинетов не было... Люди собирались вокруг кухонного стола. Кухонные столы в Москве — самые гостеприимные места на земле. Всю вторую половину дня ты занимаешься за этим столом математикой, а потом наступает время ужина, и начинается этот невероятный русский пир, который трудно описать. Выставляется штук двадцать небольших блюд, каждое из которых — просто объединение... Настроение сразу поднимается, разливают водку... В каждой квартире был кухонный стол, и обычно это единственный стол в доме, за которым можно заниматься математикой, и именно за ним мы и занимались» [17; перевод здесь и далее мой. — В. Г.].

В позднесоветский период кухни в домах интеллигенции приобрели особый мифологический статус. Песенный цикл Юлия Кима «Московские кухни» канонизировал образ кухни как места свободомыслия, где «чай да сахар, да пища духовная» [18, с. 286]. Как отметила Сьюзан Рейд, «кухня новой односемейной квартиры была впоследствии мифологизирована как сердце приватной домашней жизни и уникальное место подлинных социальных связей; ее представляли себе как свободную от идеологии зону искренности и спонтанности, где можно было оставить за дверью все двуличие публичной жизни и окунуться в доверительный полуночный разговор» [19, р. 289].

Загородные летние дачи тоже часто становились местом, где математики регулярно встречались для занятий вне официальных институтов. В русской культуре дачи традиционно служили местом «интенсивного неформального интеллектуального общения» [20, р. 6]. Математики нередко снимали дачи неподалеку друг от друга и регулярно заходили в гости поговорить о науке. Математики старшего поколения часто приглашали на дачу своих учеников и коллег. Например, два крупнейших математика А. Н. Колмогоров и П. С. Александров, жившие вместе на даче в Комаровке под Москвой, регулярно принимали целые группы своих аспирантов, проводивших там по несколько дней. Занятия математикой перемежались лыжными пробегами или пешеходными прогулками, а вечера были наполнены чтением, музыкой и беседами на научные и общие темы [21, с. 194].

Столь же регулярными были встречи математиков в дачном поселке Николина Гора, где летом жили семьи многих профессоров Мехмата МГУ. «В течение более десяти лет мы ежегодно жили рядом на даче на Николиной Горе и часами

разговаривали обо всем на свете, обычно гуляя по берегу Москва-реки, — вспоминал В. И. Арнольд. — Берег Москва-реки на Николиной Горе делался летом своеобразным филиалом мехмата, полным молодых математиков всех возрастов» [22, с. 505].

Выделение дач для академической элиты было одной из привилегий, предоставленных советским государством для обеспечения лояльности научно-технической интеллигенции. Первые дачи для академиков появились на Николиной Горе еще в середине 1920-х гг. в октябре 1945 г. Совнарком СССР издал постановление «О строительстве дач для действительных членов Академии наук СССР». В результате возникли элитные поселки под Москвой и Ленинградом — Луцино, Мозжинка, Абрамцево, Жуковка, Комарово.

Летом на дачи выезжали не только представители элиты, но и многие обычные граждане. Их дома, конечно, были попроще, и они часто не владели дачами, а лишь снимали их на лето. Математики активно пользовались возможностью снимать дачи рядом и тем самым создавать неформальное сообщество. Для математиков, исключенных из академических структур из-за их национальности или диссидентской деятельности, летние дачи стали местом активного научного общения и совместной работы.

«Подружились мы [с А. В. Зелевинским] в Кратово, где снимали дачи на лето. Там же жил мой близкий друг Боря Фейгин, — вспоминал В. С. Ретах. — Мы все время что-то обсуждали. Тогда же, на даче, мы сделали нашу единственную совместную работу» [23]. Все трое были крупными математиками, но ни один из них не имел академической позиции в официальных математических учреждениях. Зелевинский работал в Институте физики Земли, Ретах — в ЦНИИПромзданий Госстроя, а Фейгин трудился программистом. Свои математические работы мирового уровня они делали в свободное от основной работы время, не получая за это никакого вознаграждения.

Дачи играли роль частного убежища советского человека от норм и условностей общественной жизни. «Дача — это санкция на некоторую приватность в условиях обобществления почти тотального, — писал Г. Б. Забельшанский. — Это был поход из жизни общественной в частную. Дача — это не столько второе жилище горожанина, сколько увольнительная заключенного, что и делает ее советским феноменом» [24]. «Дачная жизнь связана с эскапизмом и отношениями граждан с государством, — отмечала Мелисса Колдуэлл. — За городом москвичи ощущают себя самодостаточными. Там их не затрагивают политические столкновения и бюрократические препоны, которые наполняют их повседневную жизнь» [25, р. 126].

Сложные отношения приватности и публичности, которые возникают на кухнях и дачах — местах общения внутри личного пространства, которое в свою очередь окружено пространством публичным, — порождают концептуальные схемы, разрушающие привычные бинарные оппозиции: приватное / публичное, потаенное / открытое, индивидуальное / коллективное и частное / общее. В коммунальной квартире была возможна лишь «публичная приватность», писал Стивен Ловелл. «Если же обратиться к феномену позднесоветской дачи, то можно перевернуть эту формулировку и утверждать, что для садовых поселков была характерна более мягкая форма "приватной публичности"» [26, р. 119].

Сходные гибридные термины выдвинули и другие исследователи подобных пространств внутри советского универсума. Ингрид Освальд и Виктор Воронков писали

о «приватно-публичной сфере» или «другой публичности», регулируемой неформальными нормами повседневной жизни, приводя в качестве ее типичного примера «интеллигентскую кухню» [27, р. 106]. Елена Зубкова анализировала «неформальную публичность» (кухни, кафе, компании), оппонирующую публичности официальной [28, с. 165]. «В позднесоветском обществе существовало множество публик, природа которых не определялась принципами публичности или приватно-публичности, — отмечал Алексей Юрчак, — они могли одновременно пересекать обе эти "публичные сферы"» [29, с. 252]. В этот ряд встраивается и предложенная нами концепция «параллельной социальной инфраструктуры» советской математики.

Развиваясь в полуприватных условиях, «параллельная математика» обрела многие черты, привлекавшие к ней ученых, но в результате возникла особая культура кружковой избранности. Платой за независимость была самоизоляция; отбор по способностям вел к культивированию духа эксклюзивности; свобода от институциональных ограничений означала и отсутствие институциональных гарантий. Устранение административной дискриминации было достигнуто ценой произвольности частного приглашения; бюрократическая иерархия была заменена на непрекаемый личный авторитет харизматических лидеров, а пренебрежение формальным статусом обернулось важностью неформальных знакомств. Доступ к неформальному научному руководству приводил к концентрации в определенных областях исследований, при возникновении дружеских отношений среди соавторов происходило размывание границы между рабочим и личным, а «одомашнивание» рабочих отношений вело к переносу статусных и гендерных иерархий из рабочей в домашнюю сферу.

Стратегия выживания в условиях идеологического и административного нажима, оказавшаяся эффективной для советской математики, вряд ли применима для областей, более зависимых от технологической инфраструктуры, а также для политически нагруженных социальных наук. Она также менее действенна в условиях, когда политические элиты добиваются лояльности ученых угрозой насилия, а не посулами относительно независимого существования в специально выделенных анклавах.

Источники и примечания

1. *Александров А. Д.* Историческая антропология науки в России // Вопросы истории естествознания и техники. 1994. № 4. С. 3–22.
2. *Gerovitch S.* Parallel Worlds: Formal Structures and Informal Mechanisms of Postwar Soviet Mathematics // *Historia Scientiarum*. 2013. Vol. 22. № 3. P. 181–200.
3. *Rogacheva M.* The Private World of Soviet Scientists from Stalin to Gorbachev. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2017.
4. *Gerovitch S.* “We Teach Them to Be Free”: Specialized Math Schools and the Cultivation of the Soviet Technical Intelligentsia // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2019. Vol. 20. № 4. P. 717–754.
5. *Майофис М., Кукулин И.* Математические школы в СССР: генезис институции и типология утопий // Острова утопии. Педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940–1980) / И. Кукулин, М. Майофис, П. Сафронов (ред.). М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 241–313.
6. *Gerovitch S.* Creative Discomfort: The Culture of the Gelfand Seminar at Moscow University // *Mathematical Cultures: The London Meetings 2012–2014* / В. Larvor (ed.). Basel: Birkhäuser, 2016. P. 51–70.

7. Герович В. «Математический рай»: параллельная социальная инфраструктура послевоенной советской математики // Логос. 2020. № 2 (112). С. 93–128.
8. Александров П. Лузинская математическая школа // Квант. 1977. № 10. С. 13–21.
9. Грэхэм Л., Кантор Ж.-М. Имена бесконечности: правдивая история о религиозном мистицизме и математическом творчестве. СПб.: ЕУ СПб., 2011.
10. Дело академика Николая Николаевича Лузина / Отв. ред. С. С. Демидов и Б. В. Левшин. СПб.: РХГИ, 1999.
11. ЦМА г. Москвы. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 415. Л. 19.
12. ЦАОДМ. Ф. 8033. Оп. 1. Д. 3. Л. 64.
13. Интервью с И. С. Захаревичем, 19 мая 2012 г. Кембридж, Массачусетс, США (архив автора).
14. Интервью с В. Г. Дринфельдом, 31 августа 2013 г. Кембридж, Массачусетс, США (архив автора).
15. Интервью с А. В. Зелевинским, 21 мая 2011 г. Кембридж, Массачусетс, США (архив автора).
16. Интервью с Г. М. Маргулисом, 31 августа 2013 г. Кембридж, Массачусетс, США (архив автора).
17. Robert D. MacPherson, interview by Robert L Bryant, May 12, 2011 [Электронный ресурс]: Simons Foundation. URL: https://simonsfoundation.org/science_lives_video/robert-d-macpherson (дата обращения: 31.01.2022).
18. Ким Ю. Сочинения. М.: Локид, 2000.
19. Reid S. The Khrushchev Kitchen: Domesticating the Scientific-Technological Revolution // Journal of Contemporary History. 2005. Vol. 40. № 2. P. 289–316.
20. Lovell S. Summerfolk: A History of the Dachas, 1710–2000. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2003.
21. Колмогоров А. Н. Воспоминания о П. С. Александрове // Успехи математических наук. 1986. Т. 41. Вып. 6 (252). С. 187–203.
22. Арнольд В. И. О Владимире Абрамовиче Рохлине // В. А. Рохлин. Избранные работы. Воспоминания о В. А. Рохлине. Материалы к биографии. 2-е изд. / А. М. Вершик (ред.). М.: МЦНМО, 2010. С. 505–516.
23. Retakh V. C. Воспоминания об А. В. Зелевинском [Электронный ресурс]. URL: <http://syson.rutgers.edu/~vretakh/andrei.pdf> (дата обращения: 31.01.2022).
24. Забельшанский Г. Дача [Электронный ресурс]: Проект Россия. URL: <https://prorus.ru/interviews/dacha> (дата обращения: 31.01.2022).
25. Caldwell M. Not by Bread Alone: Social Support in the New Russia. Berkeley: University of California Press, 2004.
26. Lovell S. Soviet Exurbia: Dachas in Postwar Russia // Socialist Spaces: Sites of Everyday Life in the Eastern Bloc / Crowley D., Reid S. (eds.). Oxford, UK: Berg, 2002. P. 105–121.
27. Oswald I., Voronkov V. The 'public-private' sphere in Soviet and post-Soviet society. Perception and dynamics of 'public' and 'private' in contemporary Russia // European Societies. 2004. Vol. 6. № 1. P. 97–117.
28. Зубкова Е. Ю. Частная жизнь в советскую эпоху: историографическая реабилитация и перспективы изучения // Российская история. 2011. № 3. С. 157–167.
29. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: НЛЮ, 2014.